

Danuta Budniak

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach

Лексический фонд русского, украинского и польского языков

Zasób leksykalny języka rosyjskiego, ukraińskiego i polskiego

Основной словарный фонд – это понятие конкретно-историческое, это устойчивая, но исторически развивающаяся лексико-семантическая и словообразовательная база общего словарного состава данного языка в его историческом движении.

(Виноградов 1977: 47-68). Основной словарный фонд языка на протяжении всех периодов его исторического развития связан, хотя и по-разному, с лексикой этого языка нитями закономерных словообразовательных отношений. Следовательно, основной словарный фонд влияет на способы и формы обогащения общего словарного состава языка, определяет внутренние закономерности его исторического развития. Развитие всего словарного состава языка, в свою очередь, не может не отражаться на развитии его основного словарного фонда.

Таким образом, между основным словарным фондом какого-нибудь языка и включающим его в себя общим словарным составом этого языка наблюдается тесная структурная взаимосвязь, определяемая внутренними законами исторического-развития языка. Разные лексико-семантические и словообразовательные системы или разряды общего словарного состава языка базируются, как на своих опорных и вместе с тем отправных пунктах, на словах, принадлежащих к основному словарному фонду. Например, в современном русском языке высотник от высотный через высота связано со словом высокий; ср. выше, высь, выситься, повysить – повышать, возвысить, превysить, высший, вышина, вышка и т. д. Скоростник от скоростной через скорость базируется на относящемся к основному словарному фонду слове скорый, которое является опорным пунктом живой лексической группы: скоро, наскоро, скорость, скоростной, ускорить – ускорять и разнообразных рядов сложных слов с первой частью скоро- (скороход, скороспелка и т. д.).

Традиционно признаётся, что «мельчайшей значимой единицей языка является морфема». (Крысин Л.П.: 2002: 44). Во многих случаях

именно наличие префикса или суффикса привносит в слово дополнительное значение и нередко – коннотативное. Часто именно в результате словообразования нейтральные изначально корни-морфемы «обрастают» дополнительными оценочными смыслами, которые реализуются в определенной конструкции, структуре, в конкретном сочетании.

Наряду с общим русско-украинско-польским лексическим фондом лексика каждого из этих языков содержит большое количество собственных только ему слов. Среди так называемой дифференциальной лексики устанавливаются три категории слов:

- слова, возникшие на базе наличных в словаре языка-источника слов, различных по семантическому объёму и другим характеристикам, обусловленным его диалектным членением и некоторыми другими факторами;
- слова как результат неравномерной утраты и видоизменения слов языка-источника в истории отдельных языков;
- слова, появившиеся в результате новообразований и заимствований в каждом из языков.

Общий лексический фонд русского, украинского и польского языков включает в свой состав многие слова, употребляемые для наименования жизненно важных реалий, действий, явлений, признаков и т.д.. Например, названия реалий неживой природы: *земля – земля – ziemia; река – ріка – rzeka*; атмосферных явлений: *дождь – дощ – deszcz; снег – сніг – śnieg*; небесных светил: *Марс – Марс – Mars; Меркурий – Меркурій – Merkurj*; деревьев, овощей, злаков: *дуб – дуб – dąb; яблоня – яблуня – jabłoń; ячмень – ячмінь – jęczmień*; домашних животных и зверей: *конь – кінь – koń; коза – коза – koza; лиса – лисиця – lis; заяц – заяць – zając*; птиц: *орёл – орел – orzeł; синица – синиця – sikora; дятел – дятел – dzięcioł*; насекомых: *муха-муха – mucha; оса – osa; комар – комар – komar*; рыб и земноводных: *карась – карась – karaś; жаба – жаба – żaba*; отношений родства и свойства: *мать – мати – matka; дед-дід – dziadek-dziad; тёща – теща – teściowa; невестка – невістка – bratowa*; внутренних органов и частей человеческого тела: *голова – голова – głowa; нос – ніс – nos; живот – живіт – żywot-brzuch*; болезней: *оспа – віспа – ospa; кашель – кашель – kaszel*; реалий и явлений из общественно-хозяйственной и экономико-производственной сфер жизни людей: *село – село – wieś; мост – міст – most; завод – завод – zakład; фабрика – фабрика – fabryka; станок – станок – obrabiarka*; предметов домашнего обихода: *стол – стіл – stół; ведро – відро – wiadro*; еды: *сало – сало – słonina; каша – каша – kasza; мясо – м'ясо – mięso*; одежды, головных уборов, обуви: *шапка – шапка – szapka; плащ – плащ – płaszcz; штаны – штани – spodnie*; людей, предметов, помещений и т.д., связанных

с промышленным и ремесленным производством: *токарь* – *токарь* – *tokarz*; *столяр* – *столяр* – *stolarz* и т.д.

Общий лексический фонд русского, украинского и польского языков содержит также большое количество общих глаголов и прилагательных, употребляемых для наименования жизненно необходимых действий, процессов: *ходить* – *ходити* – *chodzić*; *спать* – *спати* – *śpać*; *дышать* – *дихати* – *oddychać*; духовных и физических качеств людей и животных: *добрый* – *добрий* – *dobry*; *гордый* – *гордий* – *duży*; *худой* – *худий* – *chudy*; цвета: *белый* – *білий* – *biały*; *зелёный* – *зеленый* – *zielony*; и т.д.

К русско-украинско-польскому общему лексическому фонду относятся также количественные и порядковые числительные, многие местоимения, наречия, большинство непроизводных предметов и союзов. Подобные словесные ряды свидетельствуют о большом удельном весе слов, принадлежащих к общему фонду в лексическом составе каждого из языков.

По своему происхождению они в большинстве случаев относятся к общеславянскому и общевосточнославянскому лексическим фондам. Однако лексическая общность в русском и украинском языках часто возникала в результате общих словообразовательных, семантических и других процессов, характер которых определялся большой близостью внутренних структур восточнославянских языков, и стимулировалась тем, что эти родственные языки унаследовали из древнерусского не только слова, но тенденции развития их семантики, словообразования, лексической сочетаемости.

Большую роль в формировании общего лексического фонда русского, украинского и польского языков сыграли процессы их творческого взаимодействия на протяжении всего исторического развития. Семантические расхождения весьма выразительно прослеживаются в отдельных лексико-семантических группах слов. Так, например, основная тенденция развития лексико-семантической группы наименований одежды и головных уборов проявилась в уменьшении количества общих наименований одежды, в семантической и частично стилистической дифференциации старых и новых наименований. В результате этих процессов резко изменилась структура этой лексико-семантической группы в сторону дифференциации в русском, украинском и польском языках названий одежды и материалов. Ср. русск. *платье*, укр. *одяг*, *сукня*, польск. *odzież*, *suknia*; русск. *юбка*, укр. *спідниця*, польск. *spódnica*; русск. *рубаха*, *рубашка* (и *сорочка*), укр. *сорочка*, польск. *koszula*; русск. *шляпа*, укр. *капелюх*, польск. *kapelusz*.

Кроме того, в украинском языке имеется целый ряд слов, отсутствующих в русском, например: *бенджити*, *віхола*, *вовтузитися*, *глузд*,

глузувати, зрєбувати, достеменний, дошкуляти, загалом, зайвий, захафащувати, кліпати, копірсити и мн. др.

В польском языке: *peszyć, ogólnie, na ogół, zły, niepotrzebny, mrugać, trzepotać, placek*.

В течение последних полутора десятка лет польский, русский и украинский языки пополнились и продолжают пополняться словами и устойчивыми словосочетаниями таких специальных функциональных сфер, как экономика, политология, социология, юриспруденция, дипломатия, финансовое, бухгалтерское, административно-канцелярское дело, теоретические и практические основы управления и планирования хозяйства, государственный бюджет, маркетинг, банковская и биржевая деятельность, инвестиционная политика, ценообразование, внутренняя и внешняя торговля, трудовые отношения в сфере предпринимательства и другие. Вследствие этих внеязыковых процессов резко усилилась информативность языков. Возрастающие ономастико-логические потребности обусловили активизацию процессов неологизации, заимствования, дистинкции многих наименований, расширения ряда лексических тематических групп, идеологизации, деидеологизации, эвфемизации, интерлингвализации лексики. Большинство однозначных терминов и специальных слов имеют однозначные русские и украинские соответствия.

Нередко границы лексики официально-деловой речи лежат внутри лексических единиц. Это имеет место в довольно часто встречающихся случаях полисемии, в частности тогда, когда слово обладает общеупотребительными и специальными значениями.

Заметные расхождения наблюдаются также и в лексико-семантической группе наименований месяцев:

русск. *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*; украинск. *січень, лютий, березень, квітень, травень, червень, липень, серпень, вересень, жовтень, листопад, грудень*.

польск. *styczeń, luty, marzec, kwiecień, maj, czerwiec, lipiec, sierpień, wrzesień, październik, listopad, grudzień*.

К специфически русской лексике, отсутствующей в украинском языке, следует отнести слова: *отличие, отлично, искать, крепкий, желать, желание, позор, сторонник, ружьё, зрение, зритель, одушевлённый, жечь, ожечь, ожесточить, уединение, ужас, уживчивый, узлы, уйма* и мн. др.

Близкородственные русский, украинский и польский языки при наличии большого количества общих слов и близости грамматического строя имеют в то же время весьма значительные, хотя порой едва заметные расхождения в сочетаемости слов. Под воздействием норм украинского словоупотребления и русской речи на Украине, особенно в её устноразговорной форме, наблюдается нарушение норм словоупо-

требления русского литературного языка. Например: Очень *много времени* у нас, врачей, *забирают* записи в карточки (из беседы с врачом) (ср. укр. *забирати час*, польск. *zabierać czas* русск. *отнимать время*). Мне давно уже *в глаза впало*, что Петя по вечерам куда-то надолго отлучаться стал (из беседы) (ср. укр. *впадати в очі*, польск. *wpadła w oko* и русск. *бросаться в глаза*). Теоретический аспект интерференции языков при типологическом исследовании лексики предполагает прежде всего освещение следующих вопросов:

- а) выявление и установление общих и специфически индивидуальных моментов развития лексических групп на различных исторических этапах и определения ведущих тенденций дальнейшего их разветвления;
- б) изучение различных типов отношений между лексическими единицами сопоставляемых языков как одного из существенных аспектов лингвистической типологии и контрастивного языкознания;
- в) исследование фонетико-морфологических интернационализмов «скрытого» и «полускрытого» характера и исконно национальных компонентов на уровне деривационных групп, образованных от непосредственно мотивирующего слова и на уровне парадигматических отношений.

Различение значений на основе противопоставления по какому-либо одному из признаков лексической сочетаемости хотя и занимает важное место среди глагольной лексики, однако не является ведущим. В свете указанных положений рассмотрим языковой материал, привлекаемый нами из славянских языков, обращая внимание на возможную соотносительность безличных предложений с глаголами и безлично-предикативными словами, а также синонимичность безличных предложений и личных двусоставных и др.

В народных говорах зафиксированы приставочные образования *заветривать, заветреть* (Филин Ф.П., 1968: 35). Укажем в Стрелецком Белгородской обл. *Заветрила! Начался ветер*. Украинскому известны в безличном употреблении глаголы *вітріти, завітріти, завітрювати*: *Завітрювало з nordосту; Потемніло, завітрило, закрутила курава* (Кравченко И.Н., 1953: 64) Глагол *завітрило* переводится с украинского языка на русский язык как *заветрило, подул ветер*.

Безлично-предикативные слова образуют однокомпонентные предложения в сочетании со связкой. Способность сочетаться с различными связками создаёт возможности для передачи различных значений протекания и становления действия и состояния: *ветрено, было ветрено, будет ветрено, становится ветрено, стало ветрено, становится ветреннее* (становление помогает передать и сравнительная степень). Всё это создаёт преимущество безлично-предикативных слов сравнительно

с глаголами, что, возможно, объясняет широкое использование безлично-предикативных слов в славянских языках. Украинскому языку известно слово *вітрянно, белорусскому – ветрана, польскому – wietrznie: Zmrokpada, wietrzykwięje; ciemno, wietrzno, ponuro* (A. Mickiewicz, Lilie).

Безлично-предикативные слова употребляются в словенском языке: *wietrowmie*, в сербохорватском языке – *ветровито*, в болгарском – *ветровито*. В кругу соотношений безлично-предикативных слов и глаголов образуется синонимия: *ветреет* – становится ветрено, *ветреннее*.

В русском языке мы не отметили глагола с безличным значением, соответствующего сочетанию существительного *молния* с глаголом существования. Обычно функционируют предикативные сочетания слова *молния* с различными глаголами (*сверкает, полыхает, блистает, летает*). В украинском языке значение 'молния' также передаётся словами *блискавица, блискавка* и употребляется сочетание *блискавка, блискає*. В то же время в украинском языке с тем же корнем употребляется и безличный глагол *зблиснуть: Зблиснуло в хмарах...* В то же время значение 'блеснула молния' передаётся в некоторых славянских языках безличной формой глагола: словенское – *zabliskaloseje*, чешское – *zablesklose*, польское – *blyskać się* – в разговорной польской речи – *lyskać się*.

Со значением 'сверкать' (о молнии) употребляются и другие глаголы. В болгарском языке с данным значением известен глагол *святка се* – безл. 'сверкать' (о молнии); также *сетна се.*, соверш., безл. 'сверкнула молния' (ЧУКАЛОВ С., 1957:77). В украинском языке безличное употребление получили глаголы *палахкотіти, палахтіти*. В русском языке слово *полыхать* возможно в безличном употреблении со значением 'пылать'. В польском языке в безличном употреблении 'plonać' (MARKOWSKI A., 1974:130-138).

Только для русского языка характерно употребление в безличном значении глагола *вьюжить* и соотносительного с ним безлично-предикативного слова *вьюжно*. Глагол *вьюжить* в «Словаре современного русского литературного языка» имеет помету «областное» (БЕЛЕНЬКАЯ В.Д., 1974: 130–138) В других славянских языках эквивалентным для слова *вьюга* являются: *веялица* – болгарское (БЕРНШТЕЙН С.Б., 1953: 7) , *вејавица, вјулица* – македонское Д., (Иллич-Свитыч В.М., 1963: 89) , *вејавица* – сербохорватское (ИВАНОВИЧ С., ПЕТРАНОВИЧ И., 1976:13) *zawieja* – польское . Слово *завіруха* употребляется в украинском и белорусском языках, кроме того, известно функционирование *завія* в украинском языке, *завя* – в белорусском.

На основе наших наблюдений можно сделать краткие выводы:

Развитие безличных предложений однокомпонентной структуры со значением «стихийные явления природы» отличается неравно-

мерностью в славянских языках. Принимая при анализе за исходный русский язык, мы отметили, что из 7 семантических групп 5 имеют соответствующие глаголы в тех или других славянских языках: *ветреть*, *греметь*, *дуть*, *мести*, *штормить*. Глагол *вьюжить* характерен только для русского языка. С другой стороны, в русском языке отсутствует глагол в безличной форме со значением 'сверкает молния', за исключением употребления в неоднocomпонентных конструкциях.

- а) Однокомпонентным предложениям с безличным употреблением глагола соответствуют эквивалентные или синонимичные конструкции: а) однокомпонентные предложения с безлично-предикативными словами: *ветреет* – *ветрено*; *вьюжит* – *вьюжно*; б) номинативные предложения: *ветреет* – *ветер*; *гремит* – *гром*; *метёт* – *метель*; *вьюжит* – *вьюга*; *штормит* – *шторм*; в) двусоставные предложения с подлежащим, выраженным существительным того же корня, который имеет глагол в безличной форме: *ветрело* – *был ветер*; *гремело* – *был гром*; *мело* – *была метель*; *вьюжило* – *была вьюга*; *штормило* – *был шторм*. В некоторых случаях глагол и существительное образуют тавтологические сочетания: *ветер веет*; *метель метёт*; *гром гремит*.

Сопоставление русского языка с другими славянскими языками, а также переводы словарных единиц с одного языка на другой позволяют выявить эквивалентные и синонимические конструкции в пределах того или другого языка.

В настоящее время общепризнано, что проблема происхождения славян должна решаться на основе комплексного подхода, то есть общими усилиями историков, лингвистов, археологов и представителей других смежных дисциплин. Однако совместное решение **этногенетических вопросов** возможно лишь при том условии, что выводы каждой отрасли образуются на собственных материалах, а не навеяны данными смежных наук (СЕДОВ В.В., 1979:17). Каждой из указанных наук свойственны собственные методы исследования, поэтому перед каждой из них могут быть поставлены определённые задачи. При этом нужно учитывать, что языковеды считают праславянскими этноязыковые общности, пользовавшиеся системой праславянской речи. В то же время археологи под праславянами понимают носителей археологических культур (этнокультурных групп)- предшественников древностей раннеисторических славян. Ясно, что такие представления отражают различные стороны этногенеза и могут значительно не совпадать между собой. Тем не менее, их корректное использование позволяет полнее представить общую картину. Как принято считать, «комплекс, составленный общей культурой, самостоятельным языком и самосознанием, оказывается ... в подавляющем большинстве случаев специфичным для любого народа» (АЛЕКСЕЕВ В.Б., 1986: 33).

Таким образом, лексико-фонетические варианты слова составляют такие лексические единицы (лексемы), которые при морфемном и семантическом тождестве различаются или звуковым составом корневой морфемы (минимально), или местом ударения. В связи с этим, лексико-фонетические варианты делят на фонематические, различающиеся качеством или количеством фонем (при неизменном ударении), например, *прóрубаь – прóлубь, кýска – кыска, америка́нка – мерика́нка*, и акцентологические, различающиеся местом ударения, например, *ве́рба – верба́, ба́ловаться – балова́ться, твóрог-творóг*.

Многочисленные ряды или системы словопроизводных слов исходят из основного словарного фонда как из своей слово-образовательной и семантической базы. В этих слово-образовательных рядах или системах устойчивым является не только то слово – корневое или непроизводное, которое, принадлежа к основному словарному фонду, как бы скрепляет внутреннее единство того или иного из этих рядов, но и некоторые производные слова и, что особенно важно, – некоторые типические модели словообразования, исторически устойчивые способы образования слов.

Способность языка служить «орудием для разнообразнейших индивидуальностей заключена в глубочайшем существе его природы. Его элемент – слово не несет в себе чего-то уже готового, подобного субстанции, и не служит оболочкой для законченного понятия, но просто побуждает слушающего образовать понятие собственными силами, определяя лишь, как это сделать.

Следствием того, что слова в языке «не готовы», что языковой знак не дан, а задан, является творческий потенциал языка, его способность «приноравливаться» к новой ситуации, что, в конечном счете, служит целям выражения индивидом своих интенций и чувств.

Будучи посредником между миром и человеком, «язык одновременно есть отражение и знак» (Гумбольдт 2003:320). «В языковом содержании отражательные свойства переплетаются со знаковыми. Это следствие неопределенности и бесконечной определенности означаемого ввиду многосторонности и потенциальной неисчерпаемости для познания предметов внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и множественности механизмов их субъективного отражения с другой» (Зубкова 2000: 52).

Знаковые свойства языка чрезвычайно расширяют возможности индивидуального самовыражения. Отражательные же свойства языка являются основой для взаимопонимания, «не исключая, впрочем, и некоторого непонимания, поскольку языковое отражение действительности является единством объективного и субъективного». Разрабатывая теорию языкового знака, А.А. Потебня в структуре слова выделяет:

I. Внешнюю форму {звучание физическое и его психический образ}

II. Внутреннюю форму (собственно языковое содержание) {представление, содержащее в качестве минимума внутренней формы один признак, со временем забываемый, утрачиваемый ближайшее значение, включающее – по количеству предикатов – некоторое конечное для данного состояния определенное число признаков, общих для носителей языка}

III. Внеязыковое содержание {дальнейшее значение, охватывающее неопределенное, открытое множество признаков, меняющихся от носителя к носителю. предмет как познаваемый объект}. В основу внутренней формы положен один признак – представление, посредник между познаваемым и уже познанным, который по своей природе и отражение, и символ. «Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга» (ПОТЕБНЯ А.А., 1958:20). Значение слова никогда не равно внутренней форме. «Задавая направление мысли, внутренняя форма несет в себе зародыш «бесконечной определенности раз сформировавшегося материала» (ПОТЕБНЯ О.О., 1962:93).

Вследствие одновременно «неизменной» и «подвижной» (КАРЦЕВСКИЙ С., 1957:14) природы языкового знака, в условиях неуклонно развивающейся познавательной деятельности человека и постоянно изменяющихся потребностей самовыражения язык обладает способностью к бесконечному саморазвитию, сохраняя при этом известную устойчивость, необходимую для целей взаимопонимания индивидов.

Эта отчасти устойчивость, отчасти текучесть языка как саморегулируемой и развивающейся звуковой стихии, существующей в синхроническом состоянии в единстве статики и динамики, приводит, согласно фон Гумбольдту, к тому, что «его элементы, приобретая устойчивую оформленность» несут в себе «живой росток бесконечной определенности» (ГУМБОЛЬДТ 2000:82).

Едва ли не самым ярким проявлением такой бесконечной определенности выступает лексико-семантическая категория полисемии. Находясь в постоянном движении язык, непрерывно развивается, совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее. Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера. Лексика языка находится в состоянии непрерывного изменения в соответствии с языковыми законами. С развитием общества

появляются новые предметы, явления, они запечатляются в новых словах и новых значениях.

Среди новообразований русского языка мы выделяем две категории: неологизмы и окказионализм (последние на слово-образовательном уровне дифференцируются на потенциальные и окказиональные слова).

Термин «окказионализм» широко используется в лингвистической литературе, но общепризнанного определения окказионального слова нет. Очевидно, это связано с неоднородностью классификационных признаков, положенных в основу определения термина.

Н.М. Шанский за основу принимает отсутствие воспроизводимости, отказывая окказионализмам в статусе слова:

Это словные морфемосочетания, существующие в качестве определенных нормативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие, тем самым, основным свойством любой единицы языкового стандарта – воспроизводимостью (ШАНСКИЙ Н.М., 1968:161).

Соотношение и взаимодействие разных сторон или компонентов языковой системы (словарного состава и «основы языка» – основного словарного фонда и грамматического строя) обусловлено разным характером их связей с историей общества, разными видами отражения в них истории народа и – соответственно – разными темпами и разными закономерностями их изменений. Будучи строительным материалом, из которого по законам грамматики, придающей языку стройный, осмысленный характер, строится речь, словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения. Поступая в распоряжение грамматики, он получает величайшее значение. Без него немислим никакой язык. В нем прямо и непосредственно отражается все многообразие общественной жизни – от производства до базиса, от базиса до всех видов надстройки. Словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка. Почти непрерывные изменения словарного состава, в которых отражается прямая и непосредственная связь языка с производством и всеми другими сферами общественной деятельности, состоят в утрате некоторого количества устаревших слов, в пополнении гораздо большим количеством новых слов, в развитии новых значений у сохраняющихся и активных слов, в образовании новых выражений.

В области истории словарного состава особенно наглядно и осязательно проявляются, хотя и с своеобразными модификациями, основные законы развития языка – и прежде всего разные закономерности связи развития языка с историей общества, с историей народа в разные периоды – и разнообразные внутренние законы развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка.

В словарном составе языка, представляющем собой систему разных лексико-семантических разрядов или рядов слов, не все элементы одинаково подвижны и чувствительны к изменениям. Величайшим достижением советского языкознания является разграничение в лексике языка – ос-

новного словарного фонда, очень устойчивого, сохраняющегося в течение ряда эпох, определяющего и обуславливающего – вместе с грамматическим строем – общенародный характер языка, взаимопонимание всех членов коллектива и – в соответствии с этим – единство языка в его историческом развитии, – этого внутреннего ядра лексики – и всего прочего словарного состава языка на данном этапе его исторического развития. При этом основной словарный фонд дает языку базу для образования новых слов, т. е. является главной устойчивой материальной и структурной основой обогащения и развития словарного состава языка. Необходимость различения устойчивых, более или менее «константных», постоянных элементов словаря языка, и элементов неустойчивых, находящихся в непрерывном изменении, давно уже осознавалась и привлекала к себе внимание <...> Однако внимание лингвистов обычно было направлено на частичные, иногда случайные, нередко вызванные внешними причинами факторы развития лексического состава языка, а также на побочные, второстепенные сферы лексики, на ее периферийные, так сказать, участки. Такая постановка вопроса не определяла и не разъясняла ни закономерностей изменений в лексике языка, ни истории способов словообразования, ни законов пополнения словаря языка путем использования его собственных материальных ресурсов.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВ, В.Б., [1986] *Этногенез. Москва, „Этногенез» — уникальный литературный проект на российском рынке*, Псков, Россия. Книги читателя, с. 33.
- БЕЛЕНЬКАЯ В.Д., [1974] *Современные тенденции в наименовании населенных пунктов: К вопросу о методе синхронии в топонимике*, *Топонимия Центральной России*, М. Мысль, 1974, 130–138 (Вопросы географии. Сб. 94).
- БЕРНШТЕЙН С.Б., [1953] *Болгарско-русский словарь*, Москва.
- ВИНОГРАДОВ В.В., [1977] *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Издательство «высшая школа» Москва.
- ГУМБОЛЬДТ В.М., [2003] *Избранные труды по языкознанию*, 1984.
- ГУМБОЛЬДТ В., ВАЙСГЕРБЕР J.I., СЕПИР Э., УОРФ Б., СТЕПАНОВ Ю., АРУТЮНОВА Н., [2003] „Мир русского слова”, № 2.- С.55-59. 78.
- ЗУБКОВА А.С., [2000] *Русский язык и культура речи 1. Общие понятия о русском языке*, Москва.
- ИВАНОВИЧ С., ПЕТРАНОВИЧ И., [1976] *Русско-сербохорватский словарь*, Москва.
- КРАВЧЕНКО И.Н., [1953-1963] *Украинско-русский словарь*, под ред. И.Н.Кравченко, В 6-ти т. Киев.
- КРЫСИН А.П., [2002] *О лексике русского языка наших дней*, «Русский язык в школе и дома», Москва, № 1.

MARKOWSKI A., [1974] *Antonimy przymiotnikowe we współczesnej polszczyźnie na tle innych typów przeciwstawień leksykalnych*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986–95.

ПОСПЕЛОВ Н.С., [1957] *О лингвистическом наследстве С. Карцевского*, «Вопросы языкознания», 1957, № 4; «Cahiers F. de Saussure», 1956, № 14.

ТОЛКОВСКИЙ Д., ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В.М., (1963), *Македонско-русский словарь*, под ред. Н.И. Толстого, Москва.

БОЛЬШОЙ РУССКО-ПОЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ, [1970] Варшава.

ФИЛИН Ф.П., [1968] *Иноязычные слова в современном русском языке. Словарь русских народных говоров*, под ред. Ф.П. Филина, Вып. 3, Москва-Ленинград.

ШАНСКИЙ Н.М., [1968] *Очерки по русскому словообразованию*, Москва, с. 161.

Summary

Lexical resource of Russian, Ukrainian and Polish language

Topics presented in the paper oscillate around the determinants related to the lexical resource of Russian, Ukrainian and Polish language.

Related languages, which often overlap with cultural boundaries and therefore with the limits of styles in material culture, with the boundaries of religion, customs, etc. were presented in the paper. Taking into consideration that ethnicity (derived from the Greek word *ethnos* meaning *race*) is an essential feature of a particular ethnic community which is a group of strongly interconnected socio-cultural features indicating diversity and specificity of particular sovereign community, linguistic relations should be considered in terms of both culture and language.

Słowa kluczowe: zasób leksykany polski, rosyjski, ukraiński, baza słowotwórcza

Keywords: lexical resource of Russian, Ukrainian and Polish, formative base